

«ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1870-Х ГОДОВ

В статье показана органическая связь проблематики и поэтики «Снегурочки» Островского с поисками его современников, писателей эпохи 1870-х годов, и выявлено своеобразие эстетической позиции драматурга – выход за пределы враждующих друг с другом поэтических школ и преодоление противоречия между ними в новом художественном синтезе. Непрочность человеческих связей, исчезновение «родственного», «домашнего» из повседневного общения – весьма характерная примета нового времени, отражённая в творчестве Толстого и Достоевского, Салтыкова-Щедрина и Островского. Выясняется, что конфликт драматурга с Некрасовым по поводу «Снегурочки» вызван не столько материальными причинами, сколько различием эстетических позиций. Некрасову оказался чужд новый поэтический синтез, отражавший широту и христианскую «веротерпимость» лирической души Островского. Вслед за эстетическим отторжением последовало неприятие и содержательной стороны «весенней сказки»: характерная для Некрасова-поэта социальная острота была явно смягчена в ней.

Ключевые слова: похолодание в природе, сердечная острота, душевное потепление, духовное исцеление.

«Снегурочка» создавалась в глубоко кризисное время, переживаемое Россией. Пафос сказки, несмотря на далёкий от конкретных событий современности сюжет, перекликается с «Анной Карениной» Л.Н. Толстого, «Братьями Карамазовыми» Ф.М. Достоевского.

Старец Зосима у Достоевского в своих беседах и поучениях говорит о болезненном состоянии современной России, в которой погоня за материальными благами привела к тому, что «мир духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью». В жизни, вступившей на чуждую России буржуазную стезю, люди «живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства». «А потому в мире всё более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...» [1, с. 284]. Наступает время всеобщего уединения, рвутся не только дружеские, но и кровные связи между людьми.

В «Господах Головлевых» Салтыков-Щедрин тоже показывает, как по мере обогащения и материального преуспевания в собственнических душах дворян Головлевых совершается страшный процесс внутреннего опустошения.

И уже не в родственном единении между людьми, как некогда в «Войне и мире», пафос романа Толстого «Анна Каренина», а в разобщении между ними. Исчезли духовные связи, скреплявшие семью, и люди в доме Облонских почувствовали себя словно «на постоялом дворе».

Непрочность человеческих связей, исчезновение «родственного», «домашнего» из повседневного общения – весьма характерная примета нового времени.

То же самое неблагополучие, ту же самую духовную болезнь подмечает Островский в царстве берендеев. С некоторых пор померкло в нём служенье красоте, пропала супружеская верность, умножились тщеславие, корыстолюбие:

Короче, друг, сердечная острота
Повсюдная, – сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит [8, с.414].

В сказке Островского отсутствует чётко выделенная интрига, вокруг которой организуется драматургическое действие: весёлые берендеи провожают Масленицу, поют и водят хороводы на Красную Горку, невестятся и ссорятся, обсуждают причины неурожая, холодов и внутренних раздоров в своём царстве, наконец, встречают Ярилу.

Островский открывает в сказке иную природу драматургического действия, основанного на поэтическом развитии и драматическом столкновении двух противостоящих друг другу мотивов. Они заявлены в самом начале сказки в споре Весны и Мороза о судьбе их дочери Снегурочки, в борьбе друг с другом летних и зимних, тёплых и холодных природно-человеческих стихий.

Все последующие события – поэтическая разработка этих мотивов, в процессе которой они обретают многозначный социальный и природно-космический смысл. Тема Мороза, проходя через сказку, разрастается и разветвляется, подключая к себе очень разные характеры: Бобыля и Бобылиху, Елену Прекрасную, торгового гостя Мизгиря из посада царя Берендея. Весенней теме отвечает противопоставленный эгоистическому Мизгирию добрый царь Берендей, девушка с «горячим сердцем» Купава, друг Солнца и любви пастух Лель. Между двумя стихиями – тепла и холода – колеблется душа Снегурочки, дочери Весны и Мороза.

Композиционные связи природно-фантастических и реально-бытовых героев сказки порождают многозначные и ёмкие художественные обобщения. Природное тепло и свет в драме не только соотносятся с душевным теплом на правах условной поэтической параллели: наличие щедрых лучей

солнца в мире природы ставится в прямую зависимость от меры дружбы, любви и согласия в жизни берендеев. Спор Мороза и Весны в прологе о судьбе их дочери Снегурочки в разных вариациях отзвучивает в разговорах Берендея с Бермятой, в обращении со Снегурочкой завистливых и тщеславных Бобылей, в конфликте Мизгири и Купавы.

Мороз, Бобыли, Мизгирь несут в мир те стихии природного и душевного холода, которые навлекают на себя гнев Солнца, мстящего природе и людям земли за «остуду». Спорят между собою в сказке и два типа земной красоты. Один утверждает Мороз – это холодная красота оцепенения, безмолвия и бесчувственности. Другую несет в мир Весна – горячую красоту жизни и возрождения. Драматургическое развитие конфликта – это процесс постепенного природного и человеческого потепления, завершающийся торжеством солнечного света. Этому торжеству способствуют Весна, царь Берендей, пастух Лель и жертвенно-самоотверженная Снегурочка, устраняющая своей гибелью природный и душевный холод из царства Берендеев.

Конфликт, пронизывающий художественную ткань произведения, имеет и социальный подтекст. Союз Весны и Мороза – неравный: старик держит в неволе молодую Весну, самодурствует, как распоясавшийся купец из бытовых пьес Островского. Подобно Диким и Кабанихам он со злым недоверием встречает всё живое, трепетное и тёплое. Самодурствуя в метельном неистовстве, он знобит и морозит Весну и берендеев. Этот неравный брак, нарушающий установленный Солнцем природный лад, навлекает гнев всеисильного бога. Солнце хмурится и скорбит, попуская до времени морозные зимы и затяжные весенние холода.

В споре Весны и Мороза о судьбе Снегурочки скрывается в подтексте семейно-бытовая тема, одна из ключевых в драматургии Островского. Молодая мать-Весна бережно лелеет в дочери ростки распускающейся жизни, хочет дать им простор и волю. Мороз же, напротив, считает любовь и волю губительными. Подобно купеческому самодуру-отцу, он хочет замкнуть свою дочь в холодный терем, удержать её при себе щедрыми дарами, не понимая, что любовь и воля дороже всяких материальных благ.

Спор заканчивается компромиссным решением: Мороз соглашается отпустить Снегурочку к людям, но отдаёт её в дочи к бессемейным и безалаберным Бобылям, холодным, бездуховным и бессердечным. У Мороза тут своя «купеческая» логика: он считает, что на Снегурочку, живущую в бедной семье, никто из женихов не позарится.

А в Снегурочке между тем идёт напряжённая психологическая борьба, драматическое столкновение двух наследственных начал, несовместимых друг с другом. От Мороза-отца она унаследовала стихию душевного холода и отчуждения, от мате-

ри-Весны – тоску по воле, любви, полнокровному общению.

Островский развёртывает в драме психологически достоверную историю пробуждения Снегурочки. Созревая для горячих человеческих чувств, для сердечных отношений, она тает, самоуничтожается, побеждая своей смертью стихию душевного холода, заключённую в её наследственной природе. Гибелью она искупает и свой, и всеобщий грех сердечной остуды, в который впали вместе с ней и были наказаны Солнцем берендеи.

Этот грех неспроста тревожит царя Берендея. В его владениях с некоторых пор исчезло благополучие, воцарился холодный расчёт и трезвое бессердечие. Таков, например, его подданный Бобыль – эгоист и ленивец, любящий пображничать и попировать на чужой счёт. Почему Бобыль с Бобылихой берут к себе в приёмные дочки Снегурочку? Не беззащитность этой невинной девочки-подростка, не сострадание к ней являются причиной, а совсем другое. Их прельщает красота Снегурочки, которая будет привлекать к ней молодых берендеев: «Краса твоя девичья то ж богатство» [8, с. 385]. Подобно будущей героине «Бесприданницы» Харите Огудаловой, приёмные родители мечтают выгодно продавать красоту дочери-бесприданницы, собирать с будущих её женихов как можно больше барышей. Они так и учат наивную, холодную ко всем обожателям Снегурочку:

Соскучишься с одним, поприглядится,

Повытрясет кису, мани другого... [8, с. 386–387]

Они даже радуются, что Снегурочка любить не может:

Беды тут нет, что ты любви не знаешь,

Пожалуй, так и лучше [8, с. 387].

За что же наказываются ревнивым богом Солнца Снегурочка и Мизгирь? Почему Берендей считает солнечную кару правой, а тревогу берендеев по поводу печальной кончины Снегурочки напрасной? Эти вопросы явились и являются камнем преткновения для нескольких поколений исследователей и читателей «Снегурочки». Как сказал А.Р. Кугель, «нет ничего труднее, как понимать просто написанное». Современный человек, склонный эстетизировать жизнь, легко отделяет красоту от добра и прельщается ею. Впадая в «прелесть», он никак не может почувствовать высшей справедливости в словах царя Берендея. Они кажутся ему неоправданно жёсткими и даже жестокими.

Но ведь центральный мотив «весенней сказки» Островского связан именно с темой губительности бессердечной красоты. Вплоть до чудесного преобразования Снегурочки под влиянием матери-Весны в финале сказки её красота остаётся холодной и сеет раздор и ссоры в мире берендеев. Равнодушно следуя за Мизгирём, Снегурочка наивно безразлична к горю Купавы, лишена сострадания и вины перед нею. Она не понимает её тоски, обиды, горьких слёз. Ледяное её сердечко столь же равнодуш-

но и к страданиям других девушек, у которых она бессознательно «отбивает» женихов. Равнодушна она и к своим поклонникам, не понимая их терзаний, не сознавая причины слёз, пробегающих по их щекам:

Моя беда, что ласки нет во мне.
Толкуют все, что есть любовь на свете,
Что девушке любви не миновать;
А я любви не знаю; что за слово
«Сердечный друг» и что такое «милый»,
Не ведаю [8, с. 387].

Не ведаёт Снегурочка и радость поцелуя, не чувствует скрытую за ним одушевлённую страсть:

За поцелуй поёшь ты песни? Разве
Так дорог он? При встрече, при прощанье
Целуюсь я со всяким, – поцелуи
Такие же слова: «прощай и здравствуй!» [8, с. 391]

В беседе с Берендеем Бермята именно Снегурочку считает главной причиной раздоров, смут и сердечного похолодания в душах берендеев:

Передрались все парни за неё.
На женихов накинудили невесты
Из ревности, и брань идёт такая –
Усобица, что только руки врозь! [8, с. 416]

И мудрый царь Берендей связывает беды, охватившие его царство, с опасной своей холодностью красотой Снегурочки:

Пятнадцать лет она жила меж нами.
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце [8, с. 456].

На Снегурочке действительно лежит тяжкая вина за обиды, причинённые людям её бессердечием. Эта вина вызывает к искуплению, которое и вершится в конце драмы. Трагическая тема холодной красоты, самодостаточной, закрытой, свободной от Добра и Правды, станет отныне ведущей у Островского. Она получит глубокую психологическую разработку в его позднем творчестве, особенно в драме «Бесприданница».

Как трагическая героиня, Снегурочка сама выбирает свою судьбу. Она упрекает мать:

Отец-Мороз, и ты, Весна-Красна,
Дурное мне, завистливое чувство
Взамен любви в наследство уделили... [8, с. 448]

Тему Мороза, Бобыля подхватывает в «весенней сказке» торговый гость Мизгирь. Он привык покупать «любовь» девушек, он соблазняет их «золотыми ключами от кованных ларцов». Но холодное бессердечие Мизгирия в обращении с Купавой возмущает народ. Царь Берендей говорит о Мизгире:

Вина его ужасна, берендеи.
Для милости закроем наше сердце
На этот раз. К злодеям сожаленье
Грозит бедой... [8, с. 423]

Холодный эгоист, Мизгирь за свою жизнь «вызубил» душу не одной Купаве. В своём бесчувствии он принимал за любовь купленные за деньги плотские утехы, никогда не касавшиеся глубин его сердца. И даже проснувшись, наконец, любовь к Снегурочке не ограждает его от самомнения и гордыни. Склоняя колени перед любимой девуш-

кой, он одновременно и сердится на неё: «...За горечь униженья заплатишь ты!» – бросает он злой упрёк Снегурочке. И та не без основания думает:

О, если всё такая
Живёт любовь в народе, не хочу,
Не буду я любить [8, с. 440].

Ни понять, ни пожалеть, ни спасти Снегурочку самовлюблённый «торговый гость» не может. И потому её печальная кончина остаётся на совести Мизгирия. А «страшная погибель» является возмездием за его эгоизм. Л.В. Черных, сравнивая Мизгирия с пушкинским Дон Жуаном из «маленькой трагедии» «Каменный гость», приходит к точному выводу: «...отношение Островского к эгоизму Дон Жуана более суровое, чем отношение Пушкина. Недаром он дал своему герою имя Мизгирь, то есть паук» [12, с. 409].

Так готовится в драме ключевой диалог царя Берендея с Бермятой. Ясно, почему гневается на берендеев Солнце, почему и без того короткое северное лето становится год от году короче, а вёсны холодней. Ясно, почему утратили силу молитвы берендеев, и уже пятнадцать лет не является Ярило на их призыв. Царь Берендей называет главные причины бедствия: «охлаждение сердец» в его подданных, угасание любовной горячности; померкло в Берендеевом царстве служенье красоте, мужья остыли к жёнам, а в жёнах пропала супружеская верность. Зато окрепли и умножились в нём пороки: тщеславие, корыстолюбие и воровство.

Но в то же время над сказкой веет дух утопии. Мудрый царь Берендей – её исповедник. По складу своего характера он напоминает русского крестьянина, не растерявшего веру в добро и справедливость, судящего поругателей нравственных святых судом правды и совести, отзывчивого на чужую боль [10, с. 19–20]. По-крестьянски сердобольны его обращения к исповедующейся перед ним Купаве: «Сказывай, милая, сказывай...».

В Берендее представлено душевный лад русского крестьянина с нерасчленённостью в его сознании Добра, Истины и Красоты. Берендей соединяет добротолубие и правдолубие с художественной одарённостью: он сам расписывает царские палаты, ему «любезна игра ума и слова». По-народному добродушен предложенный Берендеем путь спасения подданных от пороков, опутавших их.

Продумал я всю ночь, до утра вполоть,
И вот на чём остановился: завтра
В Ярилин день, в заповедном лесу,
К рассвету дня сойдутся берендеи.
Велим собрать, что есть в моём народе,
Девиц-невест и парней-женихов
И всех зараз союзом неразрывным
Соединим... [8, с. 415]

Есть в этих мечтах царя Берендея доля прекрасноты, наивной доверчивости, простодушной веры в конечное торжество любви и добра в помрачённых грехами душах его подданных. Неспроста

Бермята предупреждает царя, что такая встреча Солнца вряд ли возможна ныне. А вслед за сомнением Бермяты звучит горестная исповедь обманутой Купавы:

Дай-ко, спрошу тебя,
Батюшко, светлый царь:
Клятвы-то слушать ли,
В совесть-то верить ли,
Али уж в людях-то
Вовсе извериться? [8, с. 418]

Спасение невозможно без избавителя, готового на искупительную жертву. Такой избавитель в сказке находится: это – Снегурочка, созревшая к тому, чтобы растаять ради себя и людей, ради одухотворённой и горячей любви. Обращаясь за помощью к матери-Весне, она говорит:

Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слёз [8, с. 449].

В финале драмы, когда Снегурочка «заклубилась лёгким паром и в лучах зари исчезла», когда иступлённый Мизгирь бросается в озеро с Ярилиной горы, царь Берендей, потрясённый случившимся, говорит:

Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье –
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с её чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось [8, с. 456].

Мудрый Берендей прав: в финале драмы торжествует высшая справедливость. Искупительная жертва сменяет гнев Солнца на милость, и к прозревающим, «оттаивающим» от зимнего холода берендеям возвращается тепло. Обращаясь к народу, царь Берендей взывает:

Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу [8, с. 456].

За этими словами скрывался, конечно, и призыв Островского к своим соотечественникам, души которых всё более и более заволакивал эгоизм, убивающий совесть, придающий самой красоте, свободной от добра, холодную беспощадность, разрушительный демонизм.

Литературная и сценическая судьба «Снегурочки» не оправдала ожиданий Островского. Обращение драматурга к поэтическому сюжету, далёкому от прямой связи со злобой дня, вызвало недоверчивое отношение к «весенней сказке» в так называемых «прогрессивных кругах» русского общества [11]. Им показалось, что Островский изменил обличительному пафосу своей драматургии. Особенно огорчило Островского прохладное отношение к сказке Н.А. Некрасова, предложившего за неё оскорбительно низкий гонорар.

25 апреля 1873 года Островский писал Некрасову: «Я просил Вас прочесть “Снегурочку”, ска-

зать мне искренне Ваше мнение о ней и оценить мой труд, – и не без волнения я ждал Вашего ответа; а вчера получил от Вас приговор моему новому произведению, который, если бы я уже не имел от многих лиц, уважаемых мною, других отзывов, мог бы привести меня в отчаяние. Я, постоянный Ваш сотрудник, в этом произведении выхожу на новую дорогу, жду от Вас совета или приветия, и получаю короткое, сухое письмо, в котором Вы цените новый, дорогой мне труд так дёшево, как никогда ещё не ценили ни одного моего заурядного произведения» [6, с. 425].

Социальная острота и связанный с нею радикализм общественных воззрений Некрасова расходились с благодушием и терпимостью Островского. На этой почве и произошла, по всей вероятности, опасная размолвка между ними в оценке «Снегурочки».

«Это недоразумение, – утверждал В.Я. Лакшин, – могло иметь неприятные последствия, потому что нашлись люди, которые обрадовались ему и хотели его разжечь. Романист Г. Данилевский, испытывавший давнюю и стойкую неприязнь к Островскому, писал А.С. Суворину: “Уж если что ругать, то новую пьесу “Снегурка” Островского. Там каждая страница просится в пародию, скука непроходимая”. <...> Но мелкому злорадству не удалось развести Некрасова и Островского» [3, с. 455].

Но ведь в какой-то мере всё-таки удалось! Раздосадованный драматург взял рукопись из редакции «Отечественных записок» и передал «весеннюю сказку» в журнал М.М. Стасюлевича «Вестник Европы», где она и была опубликована в сентябрьском номере за 1873 год. Правда, Островский не покинул журнал и написал Некрасову: «Что касается до будущих моих произведений, то я не нахожу никакой причины удаляться от журнала, которому я вполне и глубоко сочувствую, – разумеется, если только Вы сами не будете относиться к моим новым трудам так же оскорбительно, как отнеслись к “Снегурочке”» [6, с. 426].

В письме от 10 мая 1873 года, стараясь подвести итог возникшим разногласиям, Некрасов сказал: «Многоуважаемый Александр Николаевич. Я только что вернулся с охоты, прочёл Ваше письмо и очень рад ему. Всё дело было в недоразумении, которое, к счастью, разрешилось скоро и вполне, и теперь о нём не должно быть помину. Посвягать на Ваши интересы не было у меня и в помышлении, да и вперёд это дело немыслимое, поэтому я также уверен, что на будущее время журнальные наши отношения пойдут своим чередом. “Отечественные записки” никогда не затруднятся выплачивать Вам от 1200 до 1500 руб. за пьесу, а если пьеса будет в стихах, то спишемся. Следующую Вашу пьесу я непременно прошу Вас дать нам, между прочим, потому, чтоб не подумала публика, что мы поссорились. Вообще две, даже часто три Ваши

пьесы в год на условиях, приближающихся к вышеозначенным, “Отечественные записки” могут напечатать, не выходя из своих расчётов. Примите это сообщение к сведению» [5, с. 21–22].

В деловых вопросах Некрасов всегда оставался для простодушного и доверчивого Островского загадочным человеком, напоминающим Василькова, героя его комедии «Бешеные деньги». Васильков, обращаясь к Лидии Чебоксаровой в финале этой комедии Островского, говорит: «Но знайте, что я из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета» [7, с. 248]. Очевидно, и сам Некрасов, примеривая на себя личность этого персонажа, пытался ловко вывернуться из неприятной ситуации. Об этом убедительно писал Н.Н. Пайков в специальной статье [9]. Некрасов, объясняя, почему он назначил за «Снегурочку» столь невысокую, оскорбившую Островского плату, использовал любимое выражение Василькова: «Я издержал много на первые книги “Отечественных записок” и купил у Полонского поэму, которая, по моему мнению, хороша; так как в ней до 4 тысяч стихов, то пришлось заплатить много; заплатить много ещё за вещь *на этот год* – значило бы для меня *выйти из бюджета*, из которого я не имею права выходить, и таким образом случилось, что я предложил Вам за “Снегурочку” менее, чем заплатил за “Комика”, хотя “Снегурочка” даже по объёму больше...» [5, с. 20].

Низкая оценка Некрасовым «весенней сказки» была связана, конечно, не только с материальными затруднениями редактора «Отечественных записок». Существовали более глубокие эстетические причины, обусловившие это неприятие. «Снегурочка», как отмечал М.П. Лобанов, «явилась для многих современников поэта неожиданным чудом. Но ведь такой же неожиданностью было после “бытовых пьес” драматурга и появление его исторических драм, особенно “Воеводы”. Чудо, конечно, было, и состояло оно в том, что написал “Снегурочку” пятидесятилетний поэт, а какая свежесть чувств, молодость души! Сколько надо иметь неистраченных сил, чтобы вызвать к жизни этот удивительно поэтический мир “весенней сказки” с её неисчерпаемым богатством чувств, эмоций! Но близко знавшие Островского не удивлялись неожиданному откровению его поэтического таланта. Младший брат Александра Николаевича – от второго брака отца – Пётр Николаевич, который обладал редким эстетическим чутьём и с замечаниями которого считались крупные писатели, поражался слепоте тех, кто привык оценивать пьесы Островского по узко-бытовой мерке. “Забывают, – говорил Пётр Николаевич, – что прежде всего он был поэт, и большой поэт, с настоящей хрустальной поэзией, какую можно встретить у Пушкина или Аполлона Майкова. Согласитесь, что только большой поэт мог создать такой перл народной

поэзии, как “Снегурочка”. Возьмите хотя бы жалобу Купавы царю Берендею – ведь это чисто пушкинская красота стиха”» [4, с. 335–336].

Но «чудо» «весенней сказки» заключалось, скорее всего, в том, что, опережая развитие русской поэзии почти на целое десятилетие, в самом начале 1870-х годов Островский совершил настоящее поэтическое открытие. Он дал неожиданный и неприемлемый для эстетической позиции Некрасова и поэтов его круга художественный синтез двух враждовавших друг с другом направлений – «некрасовской школы» и «чистого искусства». С одной стороны, в «Снегурочке» явно ощутимы мотивы некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос». Ими открывается монолог Весны:

Печальный вид: под снежной пеленою
Лишённые живых, весёлых красок,
Лишённые плодотворящей силы,
Лежат поля остывшие [8, с. 366].

Затем они звучат в монологах Мороза:

Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночь,
Уж то-то мне раздолье и простор [8, с. 369].

Однако резкие, социально сгущённые краски некрасовской поэмы в «весенней сказке» Островского смягчены и «размыты» присутствием в них мотивов лирической поэзии Фета из его циклов «Снега» и «Гадания»: «“Одушевлённые” снега становятся основой мифа о Снегурке, а способность снега таять и у Фета, и у Островского прямо соотносится со способностью человека к глубокому, “сжигающему” чувству» [2, с. 89].

В широкий диапазон поэтического синтеза у Островского входит не только Фет, но и поэзия А.В. Кольцова, особенно ощутимая в песнях Леля:

Земляничка-ягодка
Под кусточком выросла;
Сиротинка-девушка
На горе родилась [8, с. 392].

В словах царя Берендея ощутимо влияние А.Н. Майкова с характерным для него искусством живописной детали:

Полна чудес могучая природа!
Дары свои обильно рассыпая,
Причудливо она играет: бросит
В болотинке, в забытом уголке
Под кустиком, цветок весны жемчужный,
Задумчиво склонённый ландыш, брызнет
На белизну его холодной пылью
Серебряной росы, – и дышит цветок
Неуловимым запахом весны,
Прельщая взор и обонянье [8, с. 426–427].

Слышны в «весенней сказке» отголоски былин, сказаний и песен Л.А. Мея: «Хозяин», «Русалка», «Вихорь», «Леший», «Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую». А рядом с поэзией современников, в органическом единстве с нею в «весенней сказке» широко используются фольклорные мотивы, реминисценции из «Слова о полку Игореве» и других памятников древнерусской литературы.

Новый поэтический синтез, отражавший широту и христианскую «веротерпимость» лирической души Островского, вероятно, и вызвал неожиданную для драматурга пренебрежительно-снисходительную оценку Некрасова. Вслед за эстетическим отторжением последовало неприятие и содержательной стороны «весенней сказки»: характерная для Некрасова-поэта социальная острота была явно смягчена в ней.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 14. – Л.: Наука, 1976. – 512 с.
2. *Кошелев В.А.* «Снегурочка» Александра Островского и поэзия Афанасия Фета // «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. – Кострома, 2001. – С. 86–93.
3. *Лакишин В.* Александр Николаевич Островский. – М.: Искусство, 1976. – 528 с.
4. *Лобанов М.П.* Островский. – М.: Молодая Гвардия, 1989. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей).
5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Т. 15, кн. 2. – СПб.: Наука, 2000. – 640 с.
6. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 11. Письма (1848–1880). – М.: Искусство, 1979. – 782 с.
7. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. Пьесы (1868–1871). – М.: Искусство, 1974. – 600 с.
8. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 7. Пьесы (1866–1873). – М.: Искусство, 1977. – 606 с.
9. *Пайков Н.Н.* Личность Н.А. Некрасова как художественный материал в творчестве А.Н. Островского // А.Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. трудов. – Шуя, 2006. – С. 178–192.
10. *Розанова Л.А.* Берендеи и их царь как носители русского национального характера // Национальный характер и русская культурная традиция в творчестве А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. Ч. 2. – Кострома, 1998. – С. 18–30.
11. *Тихомиров В.В.* О восприятии «Снегурочки» современниками драматурга // «Снегурочка» в кон-

тексте драматургии А.Н. Островского: материалы науч.-практ. конф. – Кострома, 2001. – С. 109–112.

12. *Черных Л.В.* А.Н. Островский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. – Л.: Наука, 1982. – С. 369–416.

References

1. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: v 30 t. – Т. 14. – Л.: Nauka, 1976. – 512 s.
2. Koshelev V.A. «Snegurochka» Aleksandra Ostrovskogo i poeziya Afanasiya Feta // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. – Kostroma, 2001. – S. 86–93.
3. Lakshin V. Aleksandr Nikolaevich Ostrovskij. – М.: Iskusstvo, 1976. – 528 s.
4. Lobanov M.P. Ostrovskij. – М.: Molodaya Gvardiya, 1989. – 400 s. – (Zhizn' zamechatel'nyh lyudej).
5. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. – Т. 15, kn. 2. – SPb.: Nauka, 2000. – 640 s.
6. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – Т. 11. Pis'ma (1848–1880). – М.: Iskusstvo, 1979. – 782 s.
7. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – Т. 3. P'esy (1868–1871). – М.: Iskusstvo, 1974. – 600 s.
8. Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. – Т. 7. P'esy (1866–1873). – М.: Iskusstvo, 1977. – 606 s.
9. Pajkov N.N. Lichnost' N.A. Nekrasova kak hudozhestvennyj material v tvorchestve A.N. Ostrovskogo // A.N. Ostrovskij. Materialy i issledovaniya: sb. nauch. trudov. – SHuya, 2006. – S. 178–192.
10. Rozanova L.A. Berendei i ih car' kak nositeli russkogo nacional'nogo haraktera // Nacional'nyj karakter i russkaya kul'turnaya tradiciya v tvorchestve A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. CH. 2. – Kostroma, 1998. – S. 18–30.
11. Tihomirov V.V. O vospriyatii «Snegurochki» sovremennikami dramaturga // «Snegurochka» v kontekste dramaturgii A.N. Ostrovskogo: materialy nauch.-prakt. konf. – Kostroma, 2001. – S. 109–112.
12. CHernyh L.V. A.N. Ostrovskij // Russkaya literatura i fol'klor. Vtoraya polovina XIX veka. – Л.: Nauka, 1982. – S. 369–416.